

Земля бела, морозный ветер, снежинки безмятежно кружатся в танце, оседая на Долину Забытых Чувств.

Над зеркальной гладью холодного пруда замерла девушка в белоснежной меховой накидке. Её талию стягивал пояс из нежно-голубого мягкого шелка, завязанный изящным бантом. Весь её облик дышал утонченностью и чистотой. Кожа блее снега, глаза подобны прозрачным родникам, а густые черные волосы скреплены единственной нефритовой шпилькой. На вид ей не больше шестнадцати-семнадцати лет, но в её осанке чувствуется неземная грация — словно сошедшая с небес фея, прекрасная и отрешенная от мирской суеты.

Тонкая, как изваянная из белого нефрита рука, выскользнула из-под меха. Снежинки одна за другой опускались на ладонь, тая от тепла её кожи.

Много лет назад стоял такой же холодный день. Только тогда в горах Тянь-Шань в октябре падал снег, и не было ни цветов, ни тепла — лишь пронизывающий мороз.

То жуткое бедствие навсегда оставило в душе незаживающую рану. Ей было всего шесть лет. У неё были любящие родители и маленькая сестренка, которая только-только начала ходить — такая счастливая, уютная семья. Но в тот год от былого остался лишь пронзительный свист ледяных осколков да зарево пожара, охватившего дворец Юмин. Пустота и холод, в которых отражалось кровавое пламя.

Она не понимала, почему внешний мир не смог смириться с их тихим счастьем. Она помнила лишь, как играла с добрым отцом и нежной матерью, развлекая малышку-сестру, и вдруг снаружи раздались крики битвы. Ворвались люди с лицами демонов. Она видела суровое, решительное лицо отца, видела, как мать закрывает их собой. После вихря стали и крови дедушка Цзо подхватил их на руки. Огонь разгорался, меч в руках отца не переставал разить врагов, а мать... её последний взгляд, обращенный к ним, и слезы, катившиеся по щекам, навсегда застыли в памяти как вечная картина.

Теперь, когда два года назад не стало и дедушки Цзо, остались лишь они с Цзюэ-эр.

В её очаровательных глазах промелькнула грусть, и в круговерти снега её одинокая фигура казалась еще более хрупкой. Снег густыми хлопьями оседал на плечи, но она не замечала этого, погруженная в свои печальные мысли.

Внезапно в белоснежный пейзаж ворвалось яркое пятно — алый силуэт. Кто-то со спины крепко обнял застывшую в снегу девушку.

— Сестренка!

— Цзюэ-эр? — печаль в мгновение ока исчезла с её лица.

Она обернулась и с улыбкой посмотрела на покрасневшее лицо ребенка, напоминавшего нежную фарфоровую куколку, чья кожа была мягче самого дорогого нефрита.

— Опять оделась так легко, — Лэн Цинло произнесла это с легким упреком, в котором сквозила безграничная нежность. Она уже потянулась развязать свою накидку, чтобы укрыть сестру, но маленькая ладошка крепко сжала её руку.

Почувствовав ледяной холод, исходящий от пальцев сестры, Дугу Цзюэ слегка нахмурилась. В её кристально чистых глазах промелькнула холодная искра, и она произнесла слова, совсем не подходящие её возрасту:

— Ты сама холоднее меня, не смей раздеваться.

— Сестренка не боится холода, — мягко ответила Лэн Цинло. — К тому же, здоровье Цзюэ-эр важнее.

Эти слова лишь раззадорили Дугу Цзюэ:

— Значит, ты решила глупо стоять здесь и позволить снегу засыпать тебя? Я же говорила, что после тренировки вернусь сама. Больше не смей ждать меня здесь!

Они носили разные фамилии: одна — отца, другая — матери. Дугу Цзюэ полностью унаследовала отцовские черты — ослепительную внешность и холодный, своенравный характер. Лэн Цинло же взяла всё лучшее от матери: доброту, нежность и спокойный нрав.

— Хорошо-хорошо, слушаюсь Цзюэ-эр. Как скажешь, так и будет. — Лэн Цинло с любовью щелкнула сестру по изящному носу и приложила ладонь к её макушке. — Цзюэ-эр снова подросла, уже почти поравнялась со мной.

— Потому что мне уже двенадцать, я могу защитить сестренку! — Дугу Цзюэ вскинула голову, и на её лице промелькнула лукавая, но невероятно милая улыбка.

— Как быстро летит время, ты уже совсем взрослая, — Лэн Цинло осторожно убрала со лба сестры выбившуюся прядку волос. — Здесь холодно, пойдем домой.

Дугу Цзюэ кивнула и, вложив свою ладошку в руку сестры, крепко сжала её.

Внутри хижины ярко горели свечи. Лэн Цинло достала из шкафа теплую одежду:

— Цзюэ-эр, не простудись, скорее переодевайся.

Но не успела она накинуть одежду на плечи сестры, как та юркнула в её объятия. Дугу Цзюэ блаженно выдохнула:

— М-м, как тепло. Теперь я не замерзну...

Лэн Цинло беспомощно улыбнулась, зная, что сестренка снова капризничает. Она не стала торопиться, а лишь крепче прижала к себе ребенка, делась своим теплом. Дугу Цзюэ с жадностью вдыхала исходящий от сестры тонкий аромат лечебных трав.

Так они простояли долгое время, пока из объятий не донесся тихий голос:

— Сестренка, ты сегодня снова вспоминала прошлое?

Тело Лэн Цинло едва заметно напряглось. Дугу Цзюэ поняла, что угадала, и с нежностью взяла лицо сестры в свои ладони:

— Сестренка, у тебя есть я.

Глаза Лэн Цинло дрогнули. Она посмотрела в ясные глаза сестры и слабо улыбнулась:

— Да, у меня есть ты. Ты — мой единственный родной человек в этом мире.

— А мне достаточно только тебя, сестренка, — Дугу Цзюэ уткнулась лицом в шею Лэн Цинло. Пока ты рядом, остальное не имеет значения.

О том страшном дне, кроме моря огня, окрасившего полнеба, она почти ничего не помнила. Но каждый раз, когда её любимая сестра предавалась воспоминаниям, эта глубокая печаль в её глазах отзывалась болью в сердце самой Цзюэ. Она не хотела видеть сестру грустной. Она хотела, чтобы та улыбалась — её улыбка была подобна зимнему солнцу, способному растопить любой лед и согреть её душу.

Она обязательно вернет всё, что у них отняли, и заставит виновных заплатить. Может быть, тогда сестра перестанет печалиться? Это решение прочно укоренилось в сердце Дугу Цзюэ.

— Сестренка, не оставляй меня...

— Я никогда не оставлю тебя, Цзюэ-эр, ведь ты — моя единственная связь с этим миром.